

Языковые узоры и мировидение, или есть ли душа у пейзажа? // Языковые единицы в парадигматике и синтагматике. Часть I. Уфа, РИЦ БашГУ. – Уфа, 2007, 250-268.

<с.250> 1. Языковые узоры. При сравнении языков возникает ощущение, что все языки, подобно лоскутным одеялам, скроены по единому принципу, а различаются лишь внешне. Категория, ярко представленная в одном языке, может выглядеть более тускло в другом, а в третьем такого явления вообще нет, зато есть то, что отсутствует в первом и втором языках. Вряд ли колоратурный узор лоскутного одеяла как чисто внешний признак влияет на способность сохранять тепло спящего, и так же сомнительно, что лежащие на поверхности различия между языками существенно влияют на выполнение языком своих функций. Таким образом, можно полагать, что ни один язык не реализует всех теоретически возможных потенциалов, и каждый язык от остальных отличается не «духом» (внутренней формой в понимании В. Гумбольдта), а своей колоратурой. Это положение можно принять как гипотезу, из которой можно вывести два следствия: 1) так называемое языковое мировидение («языковая картина мира» и т.д.) есть фикция и говорить о своеобразной языковой модели мира каждого языка можно только в метафорическом смысле; 2) если не считать трудностей перевода **<с. 251>** (перехода с языка на язык), то достичь взаимопонимания для представителей двух разных культур/этносов не намного труднее, чем понять представителя своего же этноса, обладающего своеобразным взглядом на мир в силу происхождения и привычек, приобретенных воспитанием и социальным статусом.

Рассмотрение этой гипотезы неизбежно приводит к одной из самых спорных вещей в языкознании, а именно к гипотезе Сепира-Уорфа-Вайсгербера. Задачей данной статьи является, однако, обсуждение не самой

гипотезы лингвистической относительности, а ее современного рефлекса в виде так называемой языковой модели мира.

2. Концептуальная модель мира. Специфика познания состоит в том, что мир в своих глубинных свойствах в целом скрыт от человеческого ума. Однако это не мешает эмпирическому мышлению через ощущения отражать объективную реальность в виде концептуальной модели, в которой отражаются только непосредственно наблюдаемые связи в окружающем мире [Серебренников 1988: 105]. Концептуальная модель мира может определяться как система знаний, отражающая познавательный опыт человека [Павиленис 1983: 12], или как язык мысли (*lingua mentalis*), перерабатывающий как языковой, так и внеязыковой опыт [Fodor 1975: 156]. Вполне оформленной модели мира как готового объекта изучения не существует, поэтому можно говорить лишь о ее рациональной реконструкции [Постовалова 1988: 24].

Концептуальная модель мира образует ментальный мир человека определенной культуры (культурный менталитет), в котором кроме личных представлений о мире существуют общекультурные (общеэтнические) концепты (этнос и культура могут пересекаться, однако являются разными образованиями), то есть «сгустки культуры в сознании человека» [Степанов 2001: 43]. Вероятно, этнический фактор образует отдельный компонент ментального мира человека, влияющий на формирование так называемого национального характера, который, в отличие от культурного менталитета, ориентированного на культуру как форму коммуникаций, принятую в обществе или общественной группе [Рождественский 1996: 3], относится к этнической сфере, образуя этнический менталитет.

В качестве репрезентанта бесспорно существующей концептуальной модели предлагается «языковая модель мира», однако это чрезмерно популярное в последнее время наименование нуждается в корректировке.

3. Родимое пятно понятия «языковая модель мира». Чтобы понять, что же представляет собой языковая модель мира, следует привести дефиницию ученого, с легкой руки которого данное понятие закрепилось в отечественном языкознании: «Языковая картина мира – [<с. 252>](#) это особое образование, постоянно участвующее в познании мира и задающее образцы интерпретации воспринимаемого, – пишет Е.С. Кубрякова. – Это своеобразная сетка, накладываемая на наше восприятие через призму языка» [Кубрякова 1997, 47]. Такое понимание языковой модели мира, по сути, мало отличается от понятия «языковая картина мира» (der Sprache Weltbild) Л. Вайсгербера [Вайсгербер 1993], разработанного на основе учения Вильгельма фон Гумбольдта о внутренней форме языка. Главный постулат его философии языка состоит в том, что попытки человека освободиться от власти родного языка всегда обречены на провал. Таким образом, и у Гумбольдта, и у его последователей во главе с Е.С. Кубряковой главное заключается в мировосприятии, отраженном в языке и образующем «языковой круг» для каждого языка, за пределы которого можно выйти, только вступив в другой языковой круг.

4. «Языковая модель мира» как размытое понятие. Чтение источников показывает, что под языковой моделью мира понимается 1) либо вся совокупность языкового содержания, 2) либо семантическая специфика данного языка, которая отличает ее от других языков [Соколовская 1993: 6]. Первое ориентировано на интеллектуальное содержание языков и является величиной постоянной, а второе ориентировано на внутреннюю форму языка в гумбольдтовском понимании и является величиной переменной. Такое разновекторное понимание языковой модели мира размывает само это понятие. Более того, в понимание языковой модели мира как совокупности языкового содержания может вкладываться разный смысл, поскольку в семантическом континууме языка можно выделять разные единицы: конкретные семантические категории или семантические поля лексических

единиц, зафиксированных в языке, абстрактные семантические категории, грамматические категории и т.д. В целом, остается неясным, относится ли данное понятие к лексико-семантической или грамматико-семантической системе языка, или какому-то фрагменту этой системы, или представляет собой только ее специфические черты. В отличие от более конструктивных выражений (например: *совокупность знаний о мире*, или *семантическая система языка*) выражение *языковая модель мира* звучит метафорически, и эта метафора, несмотря на размытое содержание, характеризуется весьма ограниченным применением. Поэтому использование производных выражений звучит абсурдно: *языковая модель животных* или *космоса*, или *пьянства*, или *проституток*, или *Римской Империи*, или *философии* и т.д.

Как пишет О.А. Корнилов, представители одной культуры или этноса смотрят на мир через очки, «благодаря которым видят в этом мире только ТО и только ТАК, как и другие носители таких же “очков”, безусловно, является национальный склад мышления, который зафиксирован в национальном языке представителей данной культуры» [Корнилов 1999: 77]. Остается непонятным, правда, какими очками пользуется человек, владеющий несколькими языками, и приходится ли переводчику менять свои «языковые очки» в процессе перевода.

Таким образом, рассматриваемое понятие носит диффузный, размытый, «диссипативный» характер [Караулов 1999: 89].

5. Сколько есть способов мировидения и языковых моделей мира?

Литература о моделях мира позволяет сделать вывод об изоморфной связи типа «одна языковая модель» — «одна концептуальная модель». Если уж считать, что язык накладывает «сетку» на человеческое восприятие действительности, следует ожидать, что, сколько языков, столько концептуальных моделей мира. Следовательно, на Земле должно существовать более 3 500 «национальных языковых моделей мира» (включая модели весьма близких друг к другу языков, таких как татарский и башкирский). С другой стороны, поскольку субъектом концептуальной

модели мира может выступать отдельный человек, то, сколько людей, столько должно быть и моделей мира [Постовалова 1988: 32], а сколько моделей мира, столько же должно быть языковых моделей. Логичнее все же было бы предположить существование каких-то фундаментальных типовых моделей, внутри которых имеет место варьирование.

Язык не может быть очками или стеклом, «через которое этнос видит единый инвариант бытия и который определяет конкретные черты национально-специфической проекции этого инварианта бытия» [Корнилов 1999: 315-316], по крайней мере, это стекло не обладает гомогенной фактурой. Ведь в каждом языке существуют вычурные, чуждые для данного языка высказывания и конструкции, уникальные семантические связи, лакуны, деривационные формулы, неологизмы и экзотизмы, которые при каждом употреблении бросают вызов языковой норме, и каждый элемент «чужести» представляет собой лишь одно из «стеклышек», через которые субъект языка воспринимает окружающее. Следовательно, любой язык всегда задает не одну, а сотни тысяч точек зрения. Всякий язык характеризуется множеством строевых признаков-координат, видов и способов выражения языковых категорий, множеством мотивирующих признаков номинаций, многообразием семантических связей между единицами языка и их вариантами внутри полисемантических структур, огромным числом связей между значениями лексических и фразеологических единиц, между актуальными и этимологическими значениями лексем и т.д. и т.п. В одном и том же языке «способов мировидения» – масса, которая вряд ли <c.254> может быть типизирована в языкознании, а речь (в связи с понятием «языковая модель мира») должна идти именно о типах мировидения, то есть, в конечном счете, о типах языков.

Если иметь в виду лексические категории, которые тем полнее выражаются в языке, чем более важными они являются с точки зрения данной культуры, то своеобразие одной категории, как правило, никак не связано с организацией других категорий, поскольку культуру общества не

определишь одной чертой (кровожадные ацтеки умели сочинять лирические стихи); поэтому для каждой категории, имеющей универсальный характер, должна быть своя модель мира в каждом языке. Конгломерат этих моделей в одном языке создает эффект калейдоскопа.

Различия между субъектами разных моделей внутри одного языка могут быть вполне сопоставимы с различиями между моделями, представляющими разные языки. В самом деле, почему должно полагать, что основополагающими для русской культуры являются концепты типа «душа», «совесть», «правда», «бог», «тоска/хандра» и т.д.? Одно дело, если субъектом культуры является Алеша Карамазов, и совсем другое дело, если этим субъектом выступает, например, бывший начальник Чукотки, или, если обратиться к американской культуре, одно дело – Эдгар По, и другое чернокожий бездельник из Алабамы, которого характеризует презрение к белым работягам (rednecks) и которого трудно понять, даже если знаешь английский язык в совершенстве.

б) Способен ли язык быть субъектом отражения? В.А. Плуногян пишет: «Язык как бы отражает общие представления всех говорящих о том, как устроен мир... <и эти представления>...будут лишь одной из возможных картин мира, и будут в разных языках различаться» [Плуногян 1996: 226-227]. Такое утверждение вряд ли корректно даже как метафора, поскольку язык не отражает мир, ведь отражательной способностью обладает мышление, а не инструмент, с помощью которого мышление себя эксплицирует. То, что язык есть инструмент мысли, можно прочесть даже у Э. Сепира: «...язык есть всего-навсего инструмент, нечто вроде рычага, необходимого для адекватной передачи наших мыслей» [Сепир 1993: 249], и, разумеется, «язык смиренно следует за мышлением» [Там же: 36]. Трудно поверить, что это пишет один из «отцов» гипотезы лингвистической относительности, пафос которой и состоит в указании на активнейшую роль языка по отношению к мышлению [Даниленко 2002].

Язык не является субъектом познания, поэтому и не обладает собственной творческой силой, способной создать особый промежуточный мир; язык лишь фиксирует концептуальный мир [Колшанский 1990: 33]. Таким образом, утверждение об отражении <с. 255> языком действительности основано на недоразумении, ведь звуковой комплекс ни к какому отражению сам по себе не способен. Язык «не отражает действительность, а отображает ее знаковым способом» [Серебренников 1988: 6].

В этой связи полезно обратить внимание на то, что «соупотребление» номинаций *языковая модель мира* и *концептуальная модель мира* в одном контексте имплицитно выводит о некоей языковой логике, отличной от мыслительной логики, реанимируя сильную версию теории лингвистической относительности, которая утверждает, что язык есть творец мышления. Сопоставление идеального (концептуальная система) и материального (языковая система) *не должно* приводить к выводу о том, что человек смотрит на мир и сквозь мышление, и сквозь язык. Человек смотрит на мир *только* сквозь мышление, то есть мозгом, «и мозг распоряжается тем, какую национальную форму языкового, знакового, т.е. семантического мышления он выберет для одного и того же отрезка действительности, в зависимости от того, какой знаковой системой вооружен этот мозг» [Кривоносов 2006: 174]. Немного упрощая схему, можно считать, что существует только одно мировидение, которое включает в себя физическое мировидение (знание законов природы) плюс семантическое картирование действительности и эмоциональное восприятие, выражаемое системой конвенциональных для каждой культуры знаков.

Из сказанного вытекает необходимость более продуманно подходить к научным формулировкам. Например, выражение «языковое представление об устройстве человека» (название главы в монографии [Урысон 2003]) можно интерпретировать двояко: 1) «язык отражает действительность», 2) «язык представляет своими средствами отражение действительности в сознании».

«Представление о чем-то» означает субъект познания, каковым язык, конечно, не может являться. Примечательно, что в связи с «наивной категоризацией» путанные формулировки сопровождаются не менее наивными рассуждениями, например: «Душа и сердце имеют много общего», или: «Душа и сердце сближаются с обычными человеческими органами – легкими, печенью, мозгом и т.д., которые тоже находятся внутри человеческого тела», или: «Душа – это орган внутренней жизни человека, т.е. всего того, что не связано непосредственно ни с физиологией, ни с деятельностью интеллекта» [Мордерер 2003].

7. Принцип взаимной дополнителности. Языки различаются между собой таким образом, что каждый представляет тысячу предпочтительных способов фиксации того, что в другом языке выразится тысячью других предпочтительных способов. <с.256> Простое высказывание о том, что на одном языке легче выразить что-то одно, а на другом – другое, представляется более точным, чем высказывание о своеобразной модели мира в каждом языке.

Обсуждая различия между языками, Г.В. Колшанский вводит «принцип лингвистической дополнителности», поскольку потенциал любого языка достаточен для выражения любой мысли, выраженной в другом языке, поэтому совокупные формы языков всегда взаимно перекрываются: «Язык образуется не конгломератом отдельных слов, а всей системой лексики и грамматики, что в итоге абсолютно достаточно для полного охвата всей совокупности мышления человека, направленного на тот или иной отрезок действительности» [Колшанский 1977: 116-117]. Поэтому различия в семантических структурах изолированных единиц языка свидетельствуют не о языковой «тирании» в смысле навязывания мышлению логики, отличной от логики ума, а о различиях в языковой технике. В одном языке на одном участке семантического пространства ТАК, а в другом языке, на этом же участке ЭДАК, зато средства любого языка всегда позволяют заполнить все

лакуны, и если даже отсутствует единица одного уровня языковой структуры, мысль можно выразить на другом уровне. Языковые значения могут быть как грамматическими, так и лексическими, и последние, будучи более гибкими, компенсируют ограниченные наборы грамматических категорий. Таким образом, сумма всех значений одного языка в целом соответствует сумме всех значений любого другого языка данного временного периода. Разные «языковые лоскутки» разных расцветок и узоров, по-разному размещенные на стандартном пространстве, в сумме, однако, составляют структуру «языкового одеяла», обеспечивающего комфортный сон.

8. Языковая модель мира как результат архаичной категоризации.

Как известно, функция языка состоит не в рационалистическом объяснении окружающего мира. Язык есть эволюционный механизм, адаптированный к человеку, и, если человеку угодно верить в существование ведьм или в четыре типа темперамента, или в то, что женщины опасны, как огонь [Lakoff 1992], то в языке будут и ведьмы, и темпераменты, и женщины как представители опасной категории вещей.

Если в языковой модели мира искать взаимосвязанное видение всех объектов и процессов окружающей действительности, то такая модель, очевидно, могла бы существовать только на ранней стадии развития языка. Определенные остатки древних категорий сохранились в некоторых языках в виде особых категорий, именуемых классификаторами. Например, рассматривая категории существительных <c.257> в языке дьирбал (Австралия) с классификаторами *bayi*, *balan*, *balam*, *bala*, Дж. Лакофф замечает, что хотя центральными объектами категории *balan* являются женщины, девушки и девочки, эта категория включает в себя в качестве периферийных представителей боевые копья, жгучие растения, спички и другие столь же опасные вещи, как и женщины; кроме того, категория включает также птиц вследствие поверья, что птицы – это души умерших

женщин [Лакофф 1988, 21]. Можно также привести в пример классификаторы *mili* и *mola* для категоризации цветовых обозначений на «холодные» (*mili*) и «теплые» (*mola*) в языке дани; ср. классификаторы *gungaltja* и *gungundja* при делении спектра на «блестящие цвета» (*gungaltja*) и «тусклые цвета» (*gungundja*) в языке гинджингали.

Формы категоризации, выраженные в соответствующих формах языка, которые наглядно показывают отлет мысли от реальности, можно было бы назвать своеобразным мировидением, присущим той или иной культуре, при выполнении, по крайней мере, двух условий. Семантическая категоризация, в отличие от категоризации, основанной на логическом мышлении, должна, *во-первых*, носить системный характер, охватывая все языковые категории, *во-вторых*, охватывать все языки. Однако в действительности эти два условия не соблюдаются. Более того, архаическая категоризация, такая как в языках дьирбал, дани и гинджингали, уступает место классификации, основанной на более очевидных типах отношений между вещами под влиянием других языков, например, в австралийских языках, наряду с исконной примитивной цветовой таксономией, начинают употребляться названия для отдельных хроматических цветов. Таким образом, вследствие глобализации на место древнего языкового своеобразия, которое проявляется в форме классификаторов языковых категорий, приходит категоризация, все более приближающаяся к логической. Древний неповторимый узор домотканого лоскутного одеяла сменяется стандартным пододеяльником.

9) Языковые изменения и мировидение. Понятие языковой модели мира имплицитно подразумевает неизменный способ восприятия действительности одним языковым коллективом. Однако это предположение оказывается неверным, если учесть, что с течением времени меняется и содержание, и организация концептов, и строй языка (например, английский язык из синтетического трансформировался в аналитический язык). Следовательно, постоянную смену языковых моделей можно трактовать как отсутствие единой «сетки ко-

ординат», которой «данный народ улавливает мир и, соответственно, отсутствие единого «космоса», который «выстраивается перед его очами» <с.258> [Гачев 1998: 44]. Однако научно зафиксировать смену «сетки координат» в связи с языковыми изменениями пока еще никому не удалось, вероятно, потому что такие изменения происходят постоянно, и если бы даже удалось зафиксировать все возможные мировоззренческие «картинки», никакого целостного впечатления кроме ряби в глазах наблюдатель бы не получил.

Здесь можно вспомнить так называемый парадокс лысого. Выпадение одного волоса еще не приводит к появлению лысины, и нельзя сказать, сколько волос должно для этого выпасть. Замена одной лексемы другой или появление другой наряду с первой еще не может изменить мировидение, и нельзя указать, в какой момент возникает новый взгляд. Можно предположить, что изменение строя языка должно сопровождаться радикальной перестройкой в мировидении, например, некоторые языки изменили свой порядок слов в течение своей истории. Однако в тех же языках морфологическая стратегия глагольного времени остается неизменной в силу неизменности фундаментальных содержательных категорий.

Вместе с тем концептуальная модель мира изменяется быстрее, чем язык, то есть закрепленные в языке реликты прежнего, архаического мировидения продолжают функционировать несмотря на свой явный анахронизм. Например, «грамматический род в языках, имеющих эту категорию, на данном этапе их исторического развития практически полностью асемантичен» [Корнилов 1999: 103]. Вероятно, в эпоху формирования языков такая категоризация по родам была семантической, то есть в этом процессе участвовало архаичное национальное мировосприятие, которое «приписывало» мужское или женское начало тому или иному понятию. Если предположить, что древнейшие слова ассоциировались с некими живыми прототипами, то теперешняя их родовая категоризация

образует «окаменелые отпечатки» образного восприятия мира древнего человека. О.А. Корнилов приводит примеры совпадения такой категоризации в русском и испанском языках: *земля – la tierra, жизнь – la vida, родина – la patria, красота – la belleza, доброта – la bondad, дружба – la amistad; враг – el enemigo, противник – el rival, бой – el combate*. Однако другие номинации не вписываются в эту схему: *любовь – el amor, хлеб – el pan, очаг – el hogar* [Там же: 104]. Как бы там ни было, в настоящее время «отсутствие или наличие в каком-либо языке, например, грамматического рода не имеет никакого отношения к пониманию социальной организации, религии или фольклора соответствующего народа» [Сепир 1993: 242]. Правда, субъект языка обычно не усматривает в такой категоризации каких-либо несуразностей, которые видит логика. Древние узоры лоскутного одеяла, именуемого <с.259> языком, в которых, точно, содержится мировидение древних, непонятны современному человеку; этими узорами остается только любоваться, как человеку, не владеющему арабским языком, остается любоваться «бессмысленной» арабской вязью на куполах казанской мечети Аль-Шариф.

10. Фразеология как отражение национального мировидения. Часто утверждается (особенно в исследованиях молодых ученых), что лексика, в частности фразеология с ее уникальной образностью, есть отражение мировидения этноса. По большей части, однако, фразеологические единицы, включая коммуникативные единицы, представляют собой «дела давно минувших дней», то есть архаичную модель мира, которая никак не связана с проявлением говорящей личности в этносе и культуре. В этом смысле язык можно сравнить с геологическими напластованиями земной коры, в которых сохраняются «отпечатки» картин предшествующих эпох. Эти отпечатавшиеся окаменелости могут храниться в языке так же долго, как в осадочных породах сохраняются ископаемые фрагменты жизни в Триасовом

периоде. Поэтому возникает вопрос: не объясняется ли этнокультурное своеобразие, отраженное в языке, случайностью?

Случайность есть категория, связанная с отсутствием возможности проследить весь комплекс факторов, который приводит к *status quo*. В языке, в частности, многое безвозвратно утрачивается, и то, что возникло неслучайно, становится таковым в синхронии. Поэтому, например, выяснение этимологии фразеологизма может удивить как природного носителя языка, так и человека, для которого изучаемый язык является неродным. Редкий носитель языка в состоянии объяснить происхождение фразеологической единицы с культурным компонентом (ср. эквивалентные фразы в английском и русском языках *kangaroo court* и *Шемякин суд*).

Безусловно, фразеологические единицы содержат информацию о культуре, однако эта информация касается, главным образом, классической культуры. Фразеологические единицы разных языков в основном семантически эквивалентны, а различаются внутренней формой, то есть образом, который лежит в основе номинации и способом представления этой формы в языке. Такая внутренняя форма носит «сиюминутный» характер, как застывшая музыка или остановившееся мгновение. Сомнительно, чтобы случайность или серия сменяющих друг друга случайностей могла отражать национальный характер. Следовательно, сомнительно само существование национального характера как константного явления, ведь этнос, как указывает Л.Н. Гумилев, есть явление динамическое (русские после Куликовской <с.260> битвы есть уже другой этнос, сменивший древнерусский этнос с присущими ему стереотипами поведения). Все проходит, как утверждает Соломон, все меняется со временем, и то, что являлось когда-то существенным и характерным для национального мышления, сейчас представляется архаизмом. Ср. следующие примеры малоупотребительных коммуникативных фразеологизмов в русском языке: *куда конь с копытом, туда и рак с клешней; укатали сивку крутые горки; Улита едет, да когда-то будет; ты на гору, а черт за ногу; сказал бы*

словечко, да волк недалечко; семь верст до небес все лесом; свинья скажет борову, а боров всему городу; с суконным рылом да в калачный ряд; с собакой ляжешь, с блохами встанешь; не было ни гроша, да вдруг алтын; на чужой каравай рот не разевай; на тебе, Боже, что нам негоже; на волка слава, а овец таскает Савва; либо сена клок, либо вилы в бок [Жуков 2005]. Из этих примеров нельзя сделать верного вывода ни о культурных константах, ни о характере русского национального сознания, поскольку архаизация какого-либо элемента пословицы или ее общий смысл делает ее почти фантастической в устах носителя современной городской культуры, которая является главной формой. Подобные пословицы никак не могут служить примерами национального характера русского этноса вследствие изменчивости этнических стереотипов, ведь то, что когда-то отражало соответствующий стереотип, теперь таковым не является.

11) Мировидение сквозь призму молодежной культуры.

Глобализация способствует стиранию концептуальных различий между языками и появлению новой универсальной для всех широт культуры, что особенно характеризует молодежную субкультуру. Большинство современных молодых людей, независимо от происхождения, стремится к одним и тем же стилям во внешнем облике, в еде, в музыке, в общении между собой и т.д. Формы материальной культуры, влияющие на дух, создают в концептуальной структуре совершенно другие «базовые концепты» (в отличие от ценностей традиционной культуры), отражаемые в языке, в частности в молодежном сленге, который огромным числом стилистически заниженных единиц выражает заниженные же этические категории. Достаточно сравнить, например, глагольные номинации, выражающие понятие «избить (кого-то)» в русском молодежном сленге: *дать по балде / по репе, кинуть банок, настучать по бороде, смазать бубны, взлохматить, начистить/попортить вывеску, грохнуть, диск отформатировать, загасить, задраить, заколбасить* и т.д. [Никитина

2004]. Такие категории как ГРЕХ, ПРАВДА, ТОСКА, ВЕРА и т.д. в концептосфере определенной части молодежи не ощущаются вовсе, хотя и называются <с.261> «объединяющими концептами русской культуры» (см. «Константы» Ю.С. Степанова [Степанов 2001]. Теряя свои традиционные корни, молодежь представляет некую усредненную глобальную культуру, никак или почти никак не отражающую концепты национальных культур.

Характерно, что многие константы русской культуры претерпевают серьезные изменения. Так, из русских романов классической литературной эпохи А. Вежбицкая выводит весьма ограниченное число единиц, порицающих человека морально (*подлец, мерзавец, негодяй*), уверяя, что первое более употребительно и что «русские очень часто употребляют это слово» [Вежбицкая 1996: 79]. Однако в концептосфере современного русского (или татарина, что почти одно и то же) таких единиц неизмеримо больше, а *подлец* воспринимается как архаизм («*Вы подлец, милостивый государь!*»); менее возвышенно звучит бранное *негодяй* (доктор Сальватор, отец человека-амфибии восклицает: «*Негодяи! Они же погубили тебя!*»), или: «*негодяй, подлый человек, но ведь – благодетель*» (Чехов). Средний представитель русской культуры сейчас охотнее употребит слова, даже не упоминаемые А. Вежбицкой: *сволочь, паразит, гад (такой), гадина (такая), зараза (такая)*, или непарламентские выражения, которые, конечно, употреблялись и раньше, но у светочей русской литературы – никогда. Точно так же мало употребительно слово *авось*, которое вроде бы «занимает важное место в русской культуре, и в частности в русском способе мышления» [Вежбицкая 1996: 77], однако в современной речи оно как-то затерялось, сохранившись разве что в производном выражении *действовать на авось*. Русский человек продолжает действовать на авось, однако вслух об этом не говорит, а классические «русские романы» (культурный концепт!) наименее популярны именно в русской молодежной среде. Культуролог будет уверять, что ошибочно идентифицировать русское слово *друг* с его эквивалентами в европейских языках, поскольку русское понятие «друг»

предполагает возможность поделиться некоторой не предназначенной для других информацией или получить/предоставить помощь, не считаясь с затратами. Однако в современной русской концептосфере происходит девальвация данного понятия, поэтому разница не столь уж заметна, тем более что на Западе высокий смысл, придаваемый этому понятию, подкрепляется языковой традицией. Ср. в английском языке: *a friend in need is a friend indeed*, в английском и немецком языках смысл «отдать последнюю рубашку» (пожертвовать всем) относится, как правило, к чужому, хотя и духовно близкому человеку: англ. *to give a shirt off one's back*; нем. *das letzte Hemd verschenken*.

<с.262> Таким образом, не следует слишком драматизировать различия в культурных концептах разных языковых сообществ, ведь межъязыковые различия в лексике вообще имеют тотальный характер. Как пишет Н.В. Перцов, «практически любое слово лингвоспецифично: трудно ожидать, что в двух произвольных естественных языках два переводных эквивалента будут обладать в точности изоморфными лексическими окружениями» [Перцов 2006]. Вывод: происходит постепенное сглаживание межъязыковых и межкультурных различий вследствие стандартизации жизненных укладов, вызванной глобализацией. Старые рукотворные одеяла, неповторимо разнообразные по цветовой гамме, композиции, рисунку, стилю, все более ветшают, заменяясь новыми, сшитыми на бездушных станках транснациональных корпораций.

12) Основной словарный фонд и глубина таксономии. Существует основной словарный фонд, и если даже в языке чего-то слишком много (слишком яркий лоскут на «языковом одеяле»), то все-таки лучше всего запоминаются единицы этого фонда, то есть наиболее прототипические номинации. Например, несмотря на то, что в эскимосском языке более 100 наименований снега, в арабском языке более 300 наименований верблюда, а в языке гаро (Бирма) множество наименований риса [Шафииков 1998: 16], вряд

ли обыватель прежних эпох употреблял все эти единицы родного языка. Еще меньше используется таксономическое богатство языка современными «языковыми личностями», за исключением, разумеется, специалистов. Поэтому, например, из названий родственных отношений активно используются наименования таких концептов, как «отец» – «мать» – «сын» – «дочь» – «брат» – «сестра», в меньшей степени: «дед» – «бабка» – «внук» – «внучка» – «двоюродный брат/двоюродная сестра» – «племянник» – «племянница»; почти совсем не используются наименования для обозначения следующих отношений: «дядя по отцу», «дядя по матери» (ср. древнерусское обозначение дядьев: *уй* и *стрый*), «двоюродный дед» – «двоюродная бабушка» – «внучатый племянник» – «внучатая племянница»; еще меньшей глубиной таксономии характеризуются отношения свойственников: «муж» – «жена»; в меньшей степени: «теща» – «тесть» – «свекор» – «свекровь» – «зять» – «сноха». Языки с архаичными системами родства (например, русский и татарский) используют в обыденном общении прозрачные свободные словосочетания типа рус. *брат жены* (вместо *шурин*), тат. *хатыннын бертуган абысы/энэсэ* (вместо балдыз); рус. *сестра жены* (вместо *свояченица*), тат. *хатыннын бертуган апасы/сенлесе*; рус. *сестра мужа* (вместо *золовка*), тат. *иренен бертуган апасы/сенеле*; рус. *брат мужа* (вместо *деверь*), тат. *иренен бертуган абысы/энэсэ*; рус. *муж <с.263> сестры жены* (вместо *свояк*), тат. *хатыннын бертуган апасынын/сенлесен ире* и т.д. [Шафиков 2004: 21]; английский язык, который имеет наименее архаичную таксономию родства, обходится минимумом терминов свойств, например термин *brother-in-law* обозначает и свояка, и зятя («брат жены», «муж сестры», «муж дочери»), и деверя («брат мужа»), и шурина («брат жены»). Языки экономят на затейливости узоров лоскутков, создающих неповторимый колорит одеяла, довольствуясь, большей частью, стандартным рисунком.

13) Как понимают общий мир носители разных языков? Казалось бы, языковые факты свидетельствуют о том, что язык навязывает мышлению свое понимание мира, однако это всего лишь иллюзия, поскольку продукты языковой техники принимаются за продукты ума. Поскольку язык не отражает действительность, а репрезентирует ее знаковым образом, вопрос о точности отражения мира вообще не должен ставиться. Никакой драмы не возникает оттого, что в немецком языке кит называется *Wahlfisch* (дословно «китовая рыба»), ведь никто не считает кита видом рыбы; точно так же по-английски «краб» называется *crabfish*, однако каждый понимает огромную разницу между этими видами животных, точно так же по-татарски черепаха называется *ташбака* («каменная лягушка»), поскольку признак «каменный» выражает идею твердости панциря, и при этом любой татарин знает разницу между лягушкой и черепахой. Признак, который кладется в основу номинации, выступает лишь как метка, технический прием, внутренняя форма и не более того. Нельзя требовать от языка точного представления действительности, потому что это не его функция, точности можно требовать только от работы ума, который находит, подбирает, означает выделенные концепты (категории). С помощью языка лишь фиксируются «идеальные образования мозга, вынесенные за его пределы и нашедшие свою материальную форму манифестации» [Кривоносов 2006: 185].

Лакуна в языке далеко не всегда означает, что носитель данного языка не в состоянии различать (выделять) данный сегмент окружающего мира. Так, в немецком языке можно насчитать 3 500 цветообозначений, а языке дани (Новая Гвинея) всего 2; и эти два обозначения делят спектр по линии «холодные» и «теплые» цвета. Однако поскольку зрение всех людей (кроме дальтоников) устроено одинаково, все народы различают спектральные цвета одинаково, следовательно, цветовая картина мира для всех является полихроматической, и человек, знающий много цветообозначений, различает их не больше того, кто знает меньше названий цветов. Таким образом, фактор различения цветов находится в **<с.264>** человеческой голове, которая

анализирует (одинаково для всех культур) воздействие света на сетчатку глаза.

14. Душа пейзажа

На каждую вещь можно смотреть с противоположных точек зрения: с точки зрения ее отличия от подобных же вещей, или, наоборот, с точки зрения сходства с вещами, образующими объекты одной категории. В спорах между типологами, которые фиксируют внимание на наиболее типичном, и культурологами, которые подчеркивают уникальное, преобладают простые аргументы наподобие следующих: «посмотрите, какое отличие!» или «посмотрите, какое сходство!» В научной полемике аргументация такого рода малоперспективна, поскольку тезис, подкрепленный примером или метафорой, наталкивается на столь же простой антитезис. О.А. Корнилов сравнивает уникальность каждого языка с портретом: «У каждого человека есть какие-то наиболее выразительные детали внешнего облика: у кого-то очень большой, необычной формы нос, у кого-то очень выразительные глаза или слишком тяжелый подбородок, а у кого-то и вовсе непримечательная внешность»; отсюда следует вывод о необходимости включать в языковую картину «мира все языковое содержание, поскольку не существует «неспецифического» в семантике языка, без чего язык не утратил бы своей целостности и уникальности» [Корнилов 1999: 93-94]. Там, где культуролог усматривает уникальное, типолог способен, кроме того, увидеть норму и тип ее варьирования. На месте глаз находятся именно глаза, хотя бы и самые выразительные, а не подбородок, будь то тяжелый подбородок, или мягкий, или круглый, как у Чичикова, который, однако, не спутать ни со ртом, ни с носом, ни с глазами. Если бы место рта занимал хобот, или вместо человеческих ушей были бы заячьи, и вместо двух глаз был бы один, как у циклопа, тогда точно метафора об уникальности всякого языка попадала бы в цель. Всякое варьирование имеет ограничения, поэтому существующая техника создания фотороботов основывается на ограниченных типах глаз, ртов, подбородков и

т.д. Как портрет, уникальный и типичный одновременно, так и всякий язык содержит в себе и общее, и различное. И так же как нос, подбородок, глаза можно типизировать, так и все вообще, включая любую языковую специфику, поддается типизации.

Целостное («портретное») представление специфики языка можно получить изучением его строя. Вместо того чтобы описывать «внутреннюю форму» английского языка, определяя его как «язык, ориентированный на слушающего» [Дурст-Андерсен 1995: 31], или как язык, лексика которого с большой точностью передает пространственные отношения или слабо передает родственные отношения и т.д., <с.265> можно дать менее пространное и вместе с тем более существенное его описание. Для этого достаточно определить этот язык как аналитический, для которого характерно выражение грамматических категорий с помощью служебных слов, фиксированный словопорядок, использование предложных конструкций для выражения падежных отношений, широкое использование безаффиксной деривации и т.д. Молекулы и атомы еще сохраняют специфичность вещества, однако при дальнейшем движении от сложного к простому специфичность исчезает; она сводится к конфигурации элементарных частиц. Аналогичным образом можно утверждать, что языковая специфика лучше, нагляднее всего проявляется на фундаментальном (грамматическом) уровне; если спуститься на более низкие уровни, специфика сводится к рассматриванию узоров и колоратуры лоскутков на одеяле.

Для точного и объективного познания, например ландшафта, пишет О.А. Корнилов, «конечно же, лучше подойдет аэрофотосъемка, но душу пейзажа и чувства, им вызываемые, сможет передать лишь талант живописца», и далее: «Объективистский подход <...> напоминает восхваление бездушной фотографии в сравнении с непохожими друг на друга картинами, запечатлевшими один и тот же объект по-разному, в своей уникальной манере» [Корнилов 1999: 100]. На это красивое сравнение можно столь же красиво возразить, что душу вообще, особенно «душу

пейзажа», тем более русского пейзажа, наблюдаемого человеком с русской душой, трудно передать, так же трудно передать сердце языка, мозг грамматики и печень синтаксиса. Душа хороша в русском романе, обращение же к ней в научном споре звучит как метафизическое заклинание, призванное обосновать действие, которое лучше всего описывает физика, и тогда душа превращается в лирическую соломинку, за которую хватается утопающий физик, или в стимулирующее средство для обессилившего лирика.

Резюме.

1. Межъязыковые различия не влияют на мировосприятие, наоборот, различное восприятие мира архаическим обществом создает архаичные же модели в соответствии с языковой техникой того или иного языка.

2. Архаичные модели мира с течением времени уступают представлениям, которые находятся ближе к научному мировоззрению, однако закрепленные в языке архаичные формы категоризации продолжают функционировать.

3. Признаками архаичных моделей мира являются языковые категории, формальные организаторы высказывания; при этом языковые категории влияют лишь на способ выражения мысли, но не на само мышление.

<с.266> 4. Язык не обладает творческой силой, способной создать свой особый мир, наряду с концептуальной моделью (структурой, системой), созданной мышлением, поэтому нельзя говорить о языковом мировидении, кроме как в метафорическом смысле (ср. высказывание Б.А. Серебренникова: «язык это мертвая материя»).

5. Языковая модель мира (языковое мировидение) есть в лучшем случае метафора, в худшем – фикция, за которой стоит восхищение человека, восторгающегося разнообразием форм концептуализации.

6. Так же как способов выражения одной и той же мысли больше, чем языков, так и количество способов мировидения превалирует над

поливариантностью языков; каждый язык как инструмент мысли способен выразить не одну модель мира, а бесконечное множество таких моделей.

7. В соответствии с принципом взаимной дополнителности, потенциал любого языка достаточен для выражения любой мысли, выраженной в другом языке, поэтому совокупные формы языков всегда взаимно перекрываются.

8. Образные единицы языка не обладают панхронической ценностью и характеризуют мировидение (в лучшем случае) лишь определенного периода развития языка; следовательно, нельзя, опираясь на внутреннюю форму фразеологизмов, строить выводы о национальном менталитете.

ЛИТЕРАТУРА

Вайсгербер 1993 – Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа. – М., 1993.

Вежбицкая А. 1996 – Вежбицкая А. Обозначение цвета и универсалии зрительного восприятия // Анна Вежбицкая. Язык. Культура. Познание. М., 1996, 231-290.

Гачев 1998 – Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Курс лекций. – М., 1998.

Даниленко 2002 – Даниленко В.П. Языковая картина мира в гипотезе Сепира-Уорфа // <http://www.islu.ru/danilenko/articles/sepirkart.htm>

Дурст-Андерсен 1995 – Дурст-Андерсен П.В. Ментальная грамматика и лингвистические супертипы // Вопросы языкознания, 1995, 2, 30-42.

Жуков 2005 – Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – М., 2005.

Караулов 1999 – Караулов Ю.Н. Активная грамматика. – М., 1999.

<с.267> *Колшанский 1977* – Колшанский Г.В. Лингво-гносеологические основы языковой номинации // Языковая номинация. Общие вопросы. – М., 1977, 99-146.

Колшанский 1990 – Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. – М., 1990.

- Корнилов 1999* – Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М., 1999.
- Кривоносов 2006* – Кривоносов А.Т. Мышление, язык и крушение мифов о «лингвистической относительности», «языковой картине мира» и «марксистско-ленинском языкознании». – Москва–Нью-Йорк, 2006.
- Кубрякова 1997* – Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М., 1997.
- Лакофф 1988* – Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988, 23: 12–51.
- Мордерер 2003* – Мордерер В. Урысон в летнюю ночь: К семантике невидимых органов // http://exlibris.ng.ru/koncep/2003-07-31/7_semantics.html
- Никитина 2004* – Никитина Т.Г. Толковый словарь молодежного сленга. – М., 2004.
- Павиленис 1983* – Павиленис Р.И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. – М., 1983.
- Перцов 2006* – Перцов Н.В. К проблеме построения семантического метаязыка // <http://www.dialog-21.ru/dialog2006/materials/html/Pertsov.htm>
- Плунгян 1996* – Плунгян В.А. Почему языки такие разные? – М., 1996.
- Постовалова 1988* – Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. М., 1988, 8-69.
- Рождественский 1996* – Рождественский Ю.В. Введение в культуроведение. – М., 1996.
- Сепир 1993* – Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993.
- Серебренников 1988* – Серебренников Б.А. Предисловие // Роль человеческого фактора в языке. М., 1988, 3-7.
- Серебренников 1988* – Серебренников Б.А. Как происходит отражение картина мира в языке? // Роль человеческого фактора в языке. М., 1988, 87-107.

<с.268> Соколовская 1993 – Соколовская Ж.П. «Картина мира» в значениях слов: семантические фантазии или катехизис семантики? – Симферополь, 1993.

Степанов 2001 – Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М., 2001.

Урысон 2003 – Урысон Е.В. Проблема исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. – М., 2003, 224 с.

Шафигов 1998 – Шафигов С.Г. Языковые универсалии и проблемы лексической семантики. – Уфа, 1998.

Шафигов 2004 – Шафигов С.Г. Типология лексических систем и лексико-семантических универсалий. – Уфа, 2004.

Fodor 1975 – Fodor J.D., Garret M.J. The psychological unreality of semantic representations // LI, 1975, 6, 4: 515-532.

Lakoff 1992 – Lakoff G. Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind? – Chicago–London, 1992.